

ИЗ МРАКА — К СВЕТУ

К 100-летию со дня рождения А. Блока

Александр Александрович Блоку довелось прокладывать один из самых тернистых путей в русской поэзии. Большая часть этого пути пролегла в мире, погружаемся день ото дня во все больший мрак, в мире час от часу все более душном — это была эпоха агонии, умирания старой России.

1898 год... Уже вспыхнула та искра, от которой занялось пламя, осветившее потом весь мир. Уже светлел российский горизонт, и свет этот набирал силу.

Блок в тот год еще был среди людей, которые этого света не замечали...

В 1898 году поэт написал свои первые, как говорят теперь исследователи, «серьезные» стихи. Ему нет двадцати. Он вырос среди книг. Среди талантливых людей. Внимая музыке. Станет ли он поэтом — еще неизвестно. Из-под пера его выходит много строк подражательных. Рождаются они, скорее, не от сердца, а от начитанности... Но вдруг в стихи врывается:

Сама судьба мне завещала
С благоговением святым
Светить в преддверьи Идеала
Туманным факелом своим.
Какая-то в этих строках есть догадка... Юный Блок словно бы предчувствовал, предугадывал то, что будет суждено ему.

В полном мраке поэзия светить не может. Должен существовать огонь, который она сможет отразить.

Но в первое время Блок в значительной мере попал под

влияние философской мистической лирики своего современника Владимира Соловьева, произведений московских символистов Андрея Белого, Сергея Соловьева и других, которые пытались создать некий «свой» круг образов, стремились жить в выдуманном ими же самими мире: Свет, Идеал, фосфоресцирующая во мраке Она... Словно бы срабатывал древний инстинкт, по которому слабovolные закрывают глаза и зажимают уши, отгораживаясь от гугающей их действительности.

В эти-то годы (1901—1902) Блок создает книгу «Стихи о Прекрасной Даме». Воплотившая в себе круг безмерно далеких от нас образов, она, тем не менее, и сегодня вызывает сопереживание. В чем тут дело? Должно быть, в том, что совесть Блока с самого начала была устроена и направлялась им так, что поэт не мог жить лишь в выдуманной литераторами туманной сфере. И уж никак не мог он выдумывать для себя Родину. Образ ее есть и в этой книге. Он выходит за рамки мистических построений — прорывается к читателю и реалистическими картинами северо-русского пейзажа, и строчкой из фольклора, народной песни.

А главное — в этом, казалось бы, отрешенном от земных забот сборнике раз за разом проглядывается совершенно земная, человеческая, подкупающе искренняя тоска — дума о будущем...

Перелистайте книги Блока, и вы сможете заметить интересную закономерность: в первые годы творчества цветовая гамма стихотворений — тени, «блеклые» предметы... Как часто в этих стихах встречается слово «сумрак»? Поэт настолько не избалован светом, что, смотря на луч зеленой лампадки, он видит: «Три лучика. Один тоненький...» И лишь однажды в стихах раннего Блока вспыхивает яркое, сочное, без всяких полутонов пятно. Это случилось в 1903 году. Первая строка стихотворения «Фабрика»: «В соседнем доме окна желты...» Этот стих, кстати, был переломным — впервые поэт обратился к социальной теме.

Грянул 1905 год. Вспышка во тьме! И в цветовую гамму стихов Блока входит новый для него цвет:

И казался нам знаменем
красным
Распластавшийся в небе язык.

Поэт принимает участие в демонстрациях. И был день, когда он во главе одной из них нес красное знамя.

Цвет в стихах Блока... Конечно, не стоит придавать слишком большое значение этой чисто внешней примете. Но и нельзя забывать, что цвет в то время очень много значил для поэта, привыкшего высказываться языком символов.

И, судя по всему, после 1905 года Блок уже ясно видит ту часть горизонта русской общественной жизни, где занимался рассвет. Он видит источник света. Он уже многое знал

о причинах тьмы в современном ему мире.

Отмстить малодушным, кто жил без огня.

Кто так унижал мой народ и меня!

Он осознает пошлую суть

тех,
Кто хочет за деньги лишить меня дня,

Собачью покорность купить у меня.

Поражение первой русской революции подорвало «лучшие надежды» Блока. В поэзии с новой силой поднималась волна символизма, набирала силу литература малодушных — отчаявшихся искать Идеал в жизни, страшившихся окружающего их мрака и создающих «свой» мерцающий мир.

И, полный мужества, Блок клеймит малодушных:

Я вижу: ваши девы слепы,
У юношей безогнен взор.

Назад! Во мглу! В глухие
склепы!

Вам нужен бич, а не топор.

И, отрешившись от всех сословных предрассудков, он обращается к рабочему классу, как к носителю добра, борцу за новую светлую жизнь:

Эй, встань, и загорись,
и жги!

Эй, подними свой верный
молот,

Чтоб молнией живой
расколот

Был мрак, где не видать ни
зги!

Поэт вступил на дорогу своего творческого и гражданского подвига... В его поэзию постепенно входит новый —

плотворный, жизненный, понятный всем — круг образов. В статьях, докладах Блок все чаще призывает интеллигенцию к сближению с народом. Утверждает, что народ — единственный источник «жизненной силы». Он говорит о «живой, могучей и юной России», которая мужает «в сердце русской революции!»

С необычайно далеких позиций начал Блок свой путь в революцию. Он был из тех людей старого мира, которым предвидеть ее — логически, разумом — было трудно. А тем более — мечтать о ней. Его разум был взлелеян в благочинной дворянской семье... Но он, тем не менее, и предвидел революцию, и мечтал о ней — помогла поистине гениальная совесть.

И в этом было его спасение, как поэта. В самые мрачные для русской культуры годы в его стихах, все более и более освобождавшихся от прежнего идеалистического тумана, с огромной силой зазвучали и публицистическая сатира, и мужественная гражданственность, и проникновеннейшая лирика.

В стихах Блока на новом этапе ожила великая традиция русской поэзии, начало которой было положено А. С. Пушкиным, — мудрая простота и щемящая душу ясность.

Блок словно прозрел:
О, весна, без конца и без

краю —
Без конца и без краю мечта!

Узнаю тебя жизнь!
Принимаю!

И приветствую звоном щита!

Блок много думает о своем прозрении: «Великие художники русские — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой — погружались во мрак, но они же имели силы пребывать и таиться в этом мраке: ибо они верили в свет. Они знали свет. Каждый из них, как весь народ, выносивший их под сердцем, скрежетал зубами во мраке, отчаяние, злобе. Но они знали, что рано или поздно все будет по-новому, потому что жизнь прекрасна».

И поэт, как и весь народ, «выносивший его под сердцем», «скрежетал зубами во мраке, отчаяние, злобе». Как драматичны и реалистичны его новые произведения — «Перед судом», «На железной дороге», «Авиатор», циклы стихов «Вольные мысли», «На поле Куликовом» и другие. Какой болью, каким упреком пронизан его «Соловиный сад» — совершеннейшее поэтическое создание, в котором Блок предостерегает человека от поисков счастья в сугубо личном, частном мирке, предостерегает от обособления от общих для народа забот, какими бы они ни были тяжкими.

Прозрение давалось не сразу. Были приступы отчаяния. Были срывы в жизнь вымышленную. Но, словно спасаясь от беды, от своей творческой погибели, поэт призывал себя (и не только себя): «Сотри случайные черты — и ты увидишь: мир прекрасен...».

В его стихах Россия предстает такой, какой она и была в те суровые годы: ветер, снежная буря, продрогшие деревни, сумасшедшие тройки, заводская копыт над городом, отчаяние, надежда, ужас войны.

Это — трагичная поэзия. Но не пессимистическая. Она пронизана верой в свет, в высокое предназначение народа, она пронизана предчувствием революции.

«Он ходил молодой, веселый, бодрый, с сияющими глазами». Так сказал о Блоке близкий ему человек, характеризую состояние поэта в первые дни после Великого Октября. Рухнул прежний мир. Мир, к которому принадлежал и сам Блок. Но поэт уже связан духовными узами с новой жизнью. Блок-гражданин в статье «Интеллигенция и революция» восклицал: «Что же задумано? Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью... Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию».

И сам он — слушал... Слух не обманывал его. В январе 1918 года Блок создает поэму «Двенадцать». Всегда строгий на самооценку, он записал в дневник: «Сегодня я — гений». Поэма, действительно, вышла из-под его пера гениальная. В первые годы Советской власти она входила в сознание людей боевыми лозунгами:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет

враг!
Старый мир, который желал
видеть в Блоке своего барда,
Блока проклял.

Новый мир Блока принял —
и как поэта, и как гражданина.
Свет множит с светом.

С. ПЯТКОВСКИЙ.